

альных, в том числе и моральных, норм. Недостаточно развитая самотолерантность ведет к безразличному, равнодушному отношению к самому себе.

Но самотолерантность не является универсальным регулятором, ограничение роли самотолерантности связано с наличием стандартов поведения, нарушение которых не допускается. Что должна предпринимать личность, если ее поведение расходится со стандартом поведения, избранного ею? Личность вновь стоит перед выбором: апатия, равнодушие, игнорирование, нетерпимость нетерпимости. Когда нарушается такой стандарт (моральное правило, принцип, ценность), возникает представление о личной катастрофе, ведь со стандартом связана самоидентификация. Это кризис самоидентификации, так как невозможно «правильно» определить свой образ, создать удовлетворительный самообраз, Я-образ, а тем самым безболезненно вписаться в конкретную ситуацию. Процесс самоидентификации влияет на самотолерантность, на самооценку личности и на процесс восприятия мира.

Становление и воспроизводство меня как личности в процессе самотолерантности сводится к процессам самоадаптации, самоорганизации, самоидентификации и коммуникации с другими людьми, т. е. самотолерантность ведет к переструктурированию личности, ее изменению. Диалогическое рассмотрение личностью своей позиции, сравнение и поиск аргументов для обоснования того или иного варианта действий есть условие ее изменения и трансформации.

*Кандидат философских наук
Е. В. Штифанова
Екатеринбург*

МЕТОДОЛОГИЯ СИТУАЦИОННОГО ПОДХОДА И ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ

Ситуационный подход является преобладающим методом исследования в феноменологически ориентированных социальных науках. Согласно такому подходу, человек не проблематизирует, а принимает как само собой разумеющееся телесную организацию других людей, их сознательную жизнь,

возможность взаимных коммуникаций, историческую данность социальной организации, природы и культуры.

Быть рожденным в мире означает, прежде всего, происходить от определенных родителей и быть воспитанным взрослыми. «Перенимание от другого» само по себе есть исходный процесс, присущий любому человеческому организму. Каждый индивид рождается в объективной социальной структуре, в рамках которой он встречает «значимых других», ответственных за его социализацию. Эти «значимые другие» накладывают на него свой отпечаток. Ребенок идентифицирует себя со «значимыми другими», принимает их роли и установки, то есть интернализирует их и делает их своими собственными. «Значимые другие» формируют ситуацию ребенка, и их «определения его ситуации» становятся для него объективной реальностью. Поэтому он оказывается не только в объективной социальной структуре, но и в объективном социальном мире.

Идентичность объективно определяется как размещение в «этом мире», и она может быть субъективно усвоена лишь наряду с «этим миром». Образовательный период в жизни каждого человека осуществляется уникальным способом. Следовательно, реальность здравого смысла дана каждому из нас в исторических и культурных формах универсальной значимости, но способ, которым эти формы представлены в индивидуальной жизни, зависит от совокупности жизненного опыта, который человек приобретает в ходе своей конкретной жизни. «Этот мир» преобразуется в «мой мир» в соответствии с подходящими (релевантными) элементами моей биографической ситуации.

Например, биографическая ситуация, по Шюцу, характеризуется тем, что в каждый момент своей жизни индивид обладает определенным «набором знаний, имеющихся под рукой». Начиная с детства, индивид продолжает накапливать огромное количество «рецептов», которые затем составляют технику понимания или, по крайней мере, контролирования различных аспектов своего опыта. Ясно, что для некоторых проблем запас знаний, имеющихся под рукой, более чем достаточен, и что в иных ситуациях человек должен импровизировать и экстраполировать, но даже импровизация проходит

в рамках типично возможных направлений и ограничена возможностями воображения. Эти возможности, в свою очередь, основываются на знаниях, имеющихся под рукой. «Типификации», составляющие знание, порождены социальной структурой. Знание социально распределено и социально одобрено. Все же его индивидуальное выражение зависит от места, которое индивид занимает в социальном мире. К моей биографической ситуации принадлежат мои персональные «здесь» и «теперь», место, которое я занимаю в пространстве и времени. Моё актуальное «здесь» есть начальная точка, из которой я предпринимаю движение в пространстве: это есть начало моей персональной системы координат; мое актуальное «теперь» есть начало всех временных перспектив, в которых я организую события в мире. Следовательно, изначальное нахождение человека в мире лежит в субъективном времени и пространстве. Однако действие во внешнем мире протекает одновременно в субъективном и объективном времени, в длительности и астрономическом времени. Пересечение этих времен Шюц называет стандартизированным временем, а пересечение субъективного и объективного настоящего – живым настоящим.

Социальный мир образован множеством действующих лиц, которые определяют этот мир связанными между собой, но индивидуализированными способами. Множественность и относительность определений ситуации (индивидуальное «здесь – и – теперь») различными лицами и даже одним и тем же лицом в разные моменты времени есть часть существенной структуры повседневной жизни. Понимание социального мира есть понимание способов, которыми люди определяют свои ситуации. С одной стороны, группа индивидов или отдельный индивид могут представлять себя в определенных, характерных только для них «временных пристрастиях»: в зависимости от того, в какой мере акцентируется внимание на прошлом, настоящем или будущем. С другой стороны, следует учитывать самопредставленность в «различных временных горизонтах». Так, другие люди выступают в различных типах: это – предшественники, современники, соседи и потомки. Предшественник жил до меня, я знаю о нем лишь по рассказам и не могу влиять на него, хотя его

действия и его жизнь оказывают на меня влияние. Потомок будет жить после моей смерти, и в течение моей жизни останется в принципе анонимным, но я могу обращаться к нему мои действия. С современником я разделяю временную реальность, а с соседом еще и пространственную. Как и все социальные взаимоотношения, предшественники, современники, соседи и потомки различным образом интерпретированы через типификации здравого смысла.

Действие никогда не является изолированным, все действия индивида имеют горизонты отнесенности к социальной реальности. Изначальное конструирование «моего» мира основано на типизации, с которой индивид преобразует данные своего опыта. Координаты социальной матрицы личности «здесь – и – теперь» подразумевают возможность перспектив или «вновь – обретение» перспектив, которыми личность обладала, но впоследствии их утратила. Координировать «временные пристрастия» и «различные временные горизонты» становится все сложнее, поскольку организация поддерживающих реальность отношений запутана, в особенности в высокоомобильном обществе со значительной дифференциацией ролей. Стоит возникнуть более сложному комплексу распределения знания в обществе, как возникает возможность выстраивания нескольких идентичностей, характеризующихся «различными чувствами времени».

По мере усложнения распределения знания доступными становятся «расходящиеся миры», и они могут быть переданы в первичной социализации «значимыми другими». Когда резко отличающиеся друг от друга миры опосредуются в первичной социализации, то индивид стоит перед выбором между четко очерченными идентичностями, осознаваемыми им как подлинные биографические возможности. Он может стать человеком в соответствии с тем, как это понимается расой А или расой Б. Тогда возникает возможность скрытой истинной идентичности, которая нелегко распознается в соответствии с объективно наличными типизациями. Может существовать социально умалчиваемая асимметрия между «публичной» и «приватной» биографиями. Так возникает специфический социальный тип, у которого есть потенциал для миграции по множеству доступных миров и который добровольно и созна-

тельно конструирует «Я» из «материала» различных доступных ему идентичностей. При таком раскладе растет общее сознание релятивности всех миров, включая и свой собственный, который теперь осознается как один из миров, а не как Мир. Вследствие этого собственное институциональное поведение понимается как «роль», от которой можно отдалиться в своем сознании и которую можно «разыгрывать».

Эта, описанная социальными феноменологами модель, имеет куда более далеко идущие последствия, чем возможность для индивидов играть роль того, кем его не считают другие. Игра теперь идет с ролью того, кем его считают, но только совершенно иным способом. Такие игры рожают «этику без универсальных обязательств», поскольку в каждой наличной ситуации можно играть «роль», противоположную по моральным обязательствам предыдущей. Для того, чтобы не произошло «самораспыление индивидов», требуются достаточно жесткие и обоснованные ограничения, но это, вероятно, ограничения, устанавливаемые не через единственно дозволенное и одобряемое нормами общежития «что можно», а через системы запретов «чего нельзя».

На наш взгляд, проблемы, связанные с сочетанием широкой терпимости к разнообразию культур, убеждений, интересов и кардинальных ценностей, и возникают тогда, когда встает вопрос: «как жить все более сплавляемому в единое целое миру, состоящему из суверенных, но идеологически несовместимых друг с другом культурных кластеров, относящихся порой просто к разным эпохам, цивилизациям, духовным континентам?» Разным людям крайне трудно согласовать свои идеалы, и проблема не столько в дефиците этих идеалов, сколько в растерянности перед их изобилием. А главное – перед отсутствием критериев, которые позволяют «каждому лелеять свое абсолютное и вечное, универсальное и единственное, в которых не ущемляется абсолютное и вечное, универсальное и единственное, лелеемое по соседству».

Литература

1. Новые направления в социологической теории / Пер. с англ. Под ред. Ионина Л. Г. М., 1978.
2. Шюц А. Здравый смысл и научная интерпретация человеческих действий // Вестник СПбГУ, 1994. Вып. 6.

3. Шюц А. Формирование понятий и теория в общественных науках // Американская социологическая мысль. М., 1984. С. 481-494.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
5. Прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст / Под ред. А. Рубцова. М., 1997.
6. Розов Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1998.